

УДК 902 (075.8) (571.1/5)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ПОНЯТИЕ «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СИБИРИ 1920 – 1960-х гг. (ЧАСТЬ 2)*Л. Ю. Китова***METHODOLOGY ISSUES OF ARCHAEOLOGY AND THE CONCEPT OF ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE WORKS OF RESEARCHERS OF SIBERIA OF THE 1920 – 1960s. PART II***L. Yu. Kitova*

Статья была написана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный № 33.1175.2014К.

В 1930-е гг. понятие «археологическая культура» в отечественной археологии было заменено по идеологическим причинам терминами «эпоха» «период», «время», «стадия», «этап». Тем не менее, это не помешало исследователям Сибири 1930 – 1960-х гг. развить идеи С. А. Теплоухова и наполнить археологические культуры историческим содержанием (С. В. Киселев, М. П. Грязнов, С. И. Руденко). А. П. Окладников и В. Н. Чернецов для исторических реконструкций в археологии широко использовали этнографические материалы. М. П. Грязнов рассматривал «археологическую культуру» как таксономическую категорию, в которой горизонтальный ряд составляли *локальный вариант – культура – культурная общность*, а вертикальная иерархия складывалась из *признака – типа – культуры*.

In the 1930s, the concept of 'archaeological culture' in the Soviet archaeology was replaced with the terms 'epoch', 'period', 'time', 'stage', 'step' for ideological reasons. Nevertheless, this fact did not prevent the researchers of Siberia in the 1930 – 1960s (S. V. Kiselev, M. P. Gryaznov, S. I. Rudenko) from developing S. A. Teploukhov's ideas and filling archaeological cultures with historic content. A. P. Okladnikov and V. N. Chernetsov widely used ethnographic materials for historical reconstructions in archeology. M. P. Gryaznov considered 'archaeological culture' as a taxonomic category in which a horizontal layer consisted of *a local version – culture – cultural similarity*, while the vertical hierarchy was composed of *feature – type – culture*.

Ключевые слова: методологические проблемы археологии, археологическая культура, понятие, сущность, исследователи Сибири 1920 – 1960-х гг.

Keywords: methodology issues of archaeology, archaeological culture, concept, substance, researchers of Siberia of the 1920 – 1960s.

В начале 1930-х гг. в археологию был внедрен марксизм в виде «теории стадильности». Ее разработчики исходили из автохтонного развития древней истории, из осуществления смены стадий за счет скачков [22]. Археология была объявлена буржуазным «вещеведением», вместо нее необходимо было изучать историю материальной культуры и социологию древних обществ. Дискуссий по теории «буржуазной» археологии не велось. Тем не менее, к началу 1950-х гг. исследователям удалось преодолеть вульгарную догматику марксизма, однако методологической основой любой исторической науки, в том числе и археологии, оставался исторический материализм. Исходя, из этих положений археологи-сибиреведы и излагали свои взгляды.

С. В. Киселев представлял древнюю историю Южной Сибири как три больших периода: древность, гунно-сарматское время и сложение государств. Каждый из периодов был разделен им на эпохи: древность – южносибирский неолит, афанасьевская эпоха, андроновская эпоха, карасукская эпоха, тагарская эпоха; гунно-сарматское время – пазырькская эпоха Алтая и таштыкская эпоха на Енисее; сложение государств – Алтай в V – X вв. н. э. и енисейские кыргызы (хакасы). Термин «археологическая культура» он использовал наряду с термином «эпоха», но последний по идеологическим причинам считал предпочтительней. «Эпохи характеризуют развитие существовавших со-

обществ людей в определенных социально-экономических условиях и обстановке, сложившейся в данное время и в данном месте» – пишет С. В. Киселев [17, с. 4], т. е. время и место С. В. Киселев определял как главные критерии археологической культуры. Он в каждой из эпох наряду с описанием археологических материалов давал характеристику хозяйства и общества той поры. В соответствии с идеологическими установками в 1940 – 1950-е гг. археологи должны были исследовать и реконструировать древнюю историю.

С. В. Киселевым была дана своя периодизация минусинской курганной культуры, которая получила название тагарской, а первоначальные даты отличались от датировок С. А. Теплоухова. Первая стадия датировалась X – VII вв. до н. э., вторая – VII – IV вв. до н. э., третья – III в. до н. э. – рубежом нашей эры [14]. В последующем С. В. Киселев пересмотрел свою точку зрения на хронологию тагарской культуры и определил ее хронологические рамки: VII в. до н. э. – рубеж нашей эры [17, с. 184 – 286]. Современные радиоуглеродные методы датирования снова позволяют удревить начальную фазу тагарской культуры до X – IX вв. до н. э. [12, с. 93 – 216].

Сергей Владимирович, развивая идеи С. А. Теплоухова, в качестве основных признаков археологической культуры отмечал погребальный обряд и инвентарь археологического комплекса [17, с. 284, 466].

С. В. Киселев поддержал оценку М. П. Грязновым майэмирского этапа как особого в древней истории алтайских племен, но предложил выделить майэмирскую культуру, состоящую из двух стадий. Для первой стадии (VII – VI вв. до н. э.) характерны формы инвентаря, близкие древнетагарским, погребения с конем и отсутствие железа [16, с. 160; 17, с. 291]. Ко второй стадии (V – IV вв. до н. э.) он отнес находки у с. Туэкта и Вавилонка, изготовленные из железа, и отметил проникновение из Тувы и Монголии новых этнических групп, характеризующихся монголоидными чертами [16, с. 169 – 171; 17, с. 300 – 301]. С. В. Киселев отрицал одновременность памятников второй стадии майэмирской культуры и пазырыкских памятников (V – III вв. до н. э.) периодизации М. П. Грязнова. Ряд памятников, таких как Пазырык-I, Катанда, Берель, Шибе, датированных С. И. Руденко (V – IV вв. до н. э.) и М. П. Грязновым скифским временем, С. В. Киселев ошибочно отнес к гунно-сарматскому времени (III – I вв. до н. э.) [15, с. 237; 17, с. 327 – 392]. Датировка этих памятников исследователь обосновывал аналогиями Аму-Дарьинскому кладу, хуннским, сарматским, таштыкским и ханьским находкам [17, с. 389 – 392]. По поводу точного времени сооружения курганов Пазырыкской группы до сих пор ведутся дискуссии [19; 21; 41], а современные методики датирования археологических памятников несколько сближают точки зрения оппонентов. Согласование данных радиоуглеродного анализа с калибровочной кривой, использование дендропределений дает дату сооружения курганов Пазырык-I, II – около 300 г. до н. э. [12, с. 64 – 92].

Таким образом, для С. В. Киселева, так же как и для С. А. Теплоухова, главными критериями археологической культуры был археологический комплекс, относящийся к одному периоду и обнаруженный на определенной территории.

А. П. Окладников считал археологию исторической наукой, дающей возможность создать более или менее целостную картину исторического процесса в древности. Согласно мнению исследователя, ход исторического процесса опосредованно отражается в вещественных археологических памятниках. Как справедливо отметил С. В. Маркин: «А. П. Окладников... был уверен в возможности перевода археологического источника в разряд исторического факта» [18, с. 57]. Написание им древних историй Якутии, Приморья в 1950-х гг. предполагало историческую реконструкцию на основе археологических источников [25; 30; 32].

Одной из важных решаемых А. П. Окладниковым проблем была проблема первоначального заселения человеком Сибири. Он считал, что это был «медленный и сложный исторический процесс, следствием которого были постепенная трансформация и медленное “просачивание” культур, различные скрещения и смешения древнейших этнических групп» [26, с. 24 – 25]. По мнению исследователя, этот процесс шел с запада на восток, из области формирования «солнцовой» культуры арктических охотников Русской равнины, которая сложилась из культуры предшествовавшего среднего палеолита. Позднее заселение

Северной Азии А. П. Окладников объяснял экстремальными палеогеографическими условиями максимального оледенения [30, с. 34]. Он предложил периодизацию палеолита Сибири, состоящую из двух фаз: ранняя – Военный госпиталь, Мальта, Буреть и поздняя афонтовского облика [27, с. 150 – 158]. Первая фаза палеолита Сибири развивается в соответствии с восточноевропейскими археологическими комплексами, вторая – в географической обособленности от Европы и характеризуется архаическими (мустьерскими) приемами в технике обработки камня, макролитизацией каменного инвентаря. Причины архаизации культуры А. П. Окладников объяснял климатическими изменениями, при которых были утрачены основные объекты охоты – носорог и мамонт, поэтому следующим шагом в историческом развитии народов Сибири был переход от оседлого к подвижному образу жизни [28, с. 154 – 155]. А. П. Окладников полагал, что в географической изоляции племена Сибири и Монголии создали особую «культурно-этническую область», в которой исторический процесс развивался одинаково, одними и теми же темпами на основе тесных контактов [27].

А. П. Окладников впервые предложил абсолютную датировку байкальского неолита – «примерно с VI тыс. вплоть до X в. до н. э.» [24, с. 5 – 6]. Позже он уточнил хронологию отдельных этапов новокаменного века. Исследователь придавал особое значение этапам прибайкальского неолита для изучения древней истории региона и отмечал, что периодизация неолита позволит «детальнее и последовательнее проследить ход исторического процесса на данной территории в его конкретной своеобразной форме» [28, с. 11]. Установленные им этапы он рассматривал как последовательно сменяющие друг друга стадии:

- 1) хиньская (V тыс. до н. э.);
- 2) исаковская (IV тыс. до н. э.);
- 3) серовская (III тыс. до н. э.);
- 4) китойская (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.);
- 5) глазковская (ок. 1700 – 1300 гг. до н. э.), в которую происходил переход к металлу [28, с. 139].

Каждая последующая стадия символизировала собой более высокую ступень развития, чем предыдущая [24, с. 5 – 6; 28; 29]. Изменения в хозяйстве приводили к «сдвигам» в общественной жизни [28, с. 378 – 384]. «Исаковцы» изобрели лук и стрелы, керамику и научились шлифовать камень. Исаковский этап, по характеристике А. П. Окладникова, был представлен самой древней, «исходной для Прибайкалья», керамикой каменного века (сосуды были неправильной формы, простых очертаний, примитивного способа изготовления), а также разнообразной и развитой каменной индустрией. Преобладающей формой хозяйства была охота. Исаковский этап установлен по погребальным памятникам [28, с. 171 – 186]. Серовский этап, по мнению исследователя, начинался с общего технического прогресса, с роста численности населения, которое зафиксировано наличием большого числа погребений и еще большего числа поселений. В этот период Алексеем Павловичем отмечается совершенствование техники обработ-

ки камня и изготовления сосудов, появление более сложного лука, частое использование нефрита, более продуктивное ведение охоты и рыболовства [28, с. 191 – 263]. А. П. Окладников считал, что жизнь неолитических охотников тайги строилась на коллективных началах. Используя схему Энгельса, исследователь пришел к выводу, что общество серовского этапа было типичным образцом материнско-родового строя, в котором женщина занимала самостоятельное и почетное положение [28, с. 264 – 271]. В китойский период А. П. Окладников наблюдал дальнейшее совершенствование каменной индустрии, широкое распространение орудий и украшений из нефрита. Перемены в хозяйстве, по его мнению, выразились в новом соотношении охотничьего промысла и рыбной ловли в сторону увеличения последней. Согласно марксистским законам истории трансформирование хозяйства должно вызвать изменения в обществе. А. П. Окладников обнаружил эти перемены в «двойных» захоронениях китойского типа, которые связывал с могилами людей, занимающих исключительное положение в роду и сопровождаемых в загробный мир женами-наложницами или рабами-военнопленными [28, с. 355 – 384]. Глазковский этап рассматривался создателем периодизации как время внедрения металла в экономику древнего населения Прибайкалья. А. П. Окладников отметил, что для этого этапа существенную роль в хозяйстве продолжают играть каменные орудия труда, которые претерпевают дальнейшее совершенствование. Таким образом, исследователь пришел к выводу о существовании переходной энеолитической стадии в Прибайкалье [29, с. 35 – 59].

На протяжении всей своей научной деятельности А. П. Окладников выступал последовательным сторонником исторического материализма. Поэтому у него этапы неолита Прибайкалья, «сменяющие друг друга во времени, отражают не только последовательность в развитии второстепенных и частных признаков культуры данного общества, но и качественные изменения в производительных силах, общественном строе и мировоззрении» [28, с. 11], т. е. проблему периодизации неолита он решает в рамках стадияльной концепции. Смена этапов, по мнению исследователя, зависела от культурных связей и природно-климатических условий. В этом явно усматривается влияние палеоэтнологических взглядов Б. Э. Петри.

А. П. Окладников был сторонником комплексного подхода в изучении археологических памятников и считал, что исторически осмыслить археологические артефакты помогут этнографические материалы. Рассматривая археологические памятники как «своего рода мертвые обломки жизни и культуры исчезнувших обществ – различных конкретных этнических образований прошлого», А. П. Окладников хотел избежать создания «формально-описательного вещеведческого каталога или надуманных абстрактно-схематических построений» и дать «хотя бы и недостаточно полную, приблизительную, но живую картину исчезнувшей действительности» [28, с. 11], поэтому в его работах 1950-х гг. отсутствуют строго научные классификации памятников и типологии инвентаря,

что снижает их научную ценность. В комплексном подходе он опирался на исследования Д. Н. Анучина. Конечно, этот методологический принцип он перенял от Б. Э. Петри, но сослаться в 1950 г. на взгляды репрессированного учителя было опасно [28, с. 11]. Комплексное изучение археологических и этнографических источников А. П. Окладников понимал шире, чем Д. Н. Анучин и Б. Э. Петри. Он старался использовать любые этнографические параллели, если уровень развития этноса соответствовал материальной и духовной культуре населения, оставившего изучаемые им археологические памятники. А. П. Окладников отмечал, что «в местном этнографическом материале могут быть обнаружены прямые пережиточные остатки культуры неолитического прошлого сибирских племен, хотя бы и видоизмененные впоследствии или сохранившиеся в виде отдельных реликтовых обломков, но так или иначе отражающие своеобразные черты местного исторического процесса». При проведении аналогий в первую очередь предпочтение отдавалось местному сибирскому материалу и «этнографическим данным из жизни современных (в этнографическом смысле) северных племен Азии». Как справедливо отмечал исследователь: «особенно полезны такие этнографические сравнительные данные при изучении мировоззрения, религиозных представлений и культа древнего общества» [28, с. 11]. Тем не менее, он считал себя вправе иногда и выйти за территориальные границы Прибайкалья и Сибири – в тех случаях, когда речь идет о более общих исторических явлениях и закономерностях исторического процесса, в особенности – истории техники, общественного строя или мышления. Таковы, например, привлекаемые им сравнительные данные из быта арктических племен Аляски или индейских племен Северной Америки [28, с. 359, 364, 371, 372, 382]. Вероятно, Алексей Павлович стремился выявить универсальные законы исторического развития, определить те явления, которые могут сравниваться в разных регионах мира, при условии сходного уровня жизни населения, иногда забывая о строго научной критике источников.

Комплексный подход проявился и в том, что А. П. Окладников при характеристике материальной культуры учитывал физико-географическое состояние региона. Так, например, он дал подробную характеристику геофизическим и природно-климатическим изменениям на рубеже третичного и четвертичного периодов для того, чтобы выявить условия появления человека в Якутии [38, с. 17 – 33]. А. П. Окладников рассмотрел трансформацию каменного и костяного инвентаря, изменения в устройстве жилищ, в общем характере поселений в эпоху позднего палеолита Сибири, исходя из кардинальных изменений климата [30, с. 56 – 71].

Культуры, имеющие общие черты, А. П. Окладников объединял в единое целое, являющееся выражением этнической общности. Анализируя природно-климатические условия, образ жизни и характер хозяйственной деятельности населения, он установил 6 таких общностей в сибирском неолите: байкальскую, базирующуюся главным образом на охоте и

отчасти рыболовстве; амурскую, две камчатских и обскую, где основным занятием было рыболовство; арктическую культуру морских зверобоев [24, с. 6]. В. И. Молодин, анализируя идею А. П. Окладникова об определении этнокультурных общностей в сибирском неолите, отмечает, что предположения Алексея Павловича относительно Обского региона, «основанные на крайне ограниченных источниках, впоследствии не только нашли подтверждение в конкретных материалах, но и оказались чрезвычайно важными с методологической точки зрения» [23, с. 28]. Развивая идею о Восточном Приуралье как особой общности, распространявшейся до Енисея, А. П. Окладников полагал, что ее носители были предками современных угро-самодийцев [31]. В современной науке его гипотеза о распространении ангарских неолитических племен на запад получила подтверждение «не только в материалах духовной культуры, но и по данным антропологии» [23, с. 28]. Позже А. П. Окладников подобным крупным этнокультурным объединениям даст название «провинции» [28, с. 10 – 11].

Каждая из четырех групп неолитических памятников, согласно А. П. Окладникову, являлась «не только ступеньками хронологической шкалы археологической периодизации, но и вехами конкретно-исторического процесса». Исследователь отмечал, что в археологической литературе таким группам памятников нередко соответствует термин «культура». Определения термину «археологическая культура» А. П. Окладников не дает, однако из текста монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» мы можем сделать вывод, что под «археологической культурой» в 1950-е гг. ученый понимал хронологически одновременную группу археологических памятников: погребений и поселений, характеризуемую внешними и внутренними особенностями конструкций, специальным типом и набором вещей, характерным орнаментом на предметах, а также для погребальных памятников – особым погребальным ритуалом. Все изменения этих критериев археологической культуры, по мнению А. П. Окладникова, «вызваны более глубокими переменами в хозяйстве, общественном строе и мировоззрении, происходившими на том отрезке неолитического времени, которому соответствует эта группа древних погребений и поселений» [28, с. 10].

Последовательно сменяющиеся в географическом ареале культуры определенные хронологические группы памятников А. П. Окладников рассматривал лишь как показатели изменений, происходивших в жизни того населения, которое их оставило и которому принадлежала та или иная локальная культура. Для обозначения отдельных хронологических групп памятников он предпочитал другой термин – культурно-исторический этап: «понимая его только лишь как обозначение определенного промежутка времени, для которого характерны те или иные взаимосвязанные черты техники, материальной культуры, общественного строя и интеллектуальной культуры в жизни конкретного древнего общества в своей совокупности, отличающие этот хронологический промежуток от других, предшествующих ему или следующих за ним» [28, с. 10 – 11].

Несмотря на то, что А. П. Окладников придерживался мнения об автохтонном развитии неолита Прибайкалья и считал, что в эпохи неолита и энеолита в Сибири существовал ряд глубоко-своеобразных древнейших культур, свидетельствующих о ярко выраженном активном культурном творчестве жителей Прибайкалья, Амурского края, Западной Сибири, Забайкалья и даже далекого заполярного Севера, однако, это своеобразие он связывал не столько с обособленным изолированным развитием отдельных племен и народов, сколько с многочисленными контактами и взаимовлияниями близких и далеких соседей. Он писал: «население такой колоссальной территории, граничащей на юге с сухими степными пространствами внутренней Азии, на западе – с лесами Урала и Восточной Европы, на востоке – с Приамурьем и Восточной Азией, а на северо-востоке – с Новым Светом, никогда не было изолировано какой-то незримой “Китайской стеной” от своих близких и далеких соседей, от лесных охотников, от речных и озерных рыболовов и, наконец, от древнейших земледельцев и скотоводов Старого Света. Древние племена лесной Сибири, так или иначе, вступали в многообразные связи и во взаимодействие с окружающим миром – вплоть до Китая, Средней Азии, Восточной и отчасти Западной Европы, а может быть, даже Америки и Индии» [28, с. 6 – 7].

А. П. Окладников в тот период прекрасно понимал, что дальнейшие исследования модифицируют представление о неолите Прибайкалья и отмечал: «Со временем должны внести существенные дополнения и изменения в ту общую картину, которая может быть предложена в настоящее время; но для этого потребуются, вероятно, еще немало времени и труда. Кроме того, даже в этом случае первые опыты обобщения наличных материалов с исторической или историко-культурной точки зрения должны сохранить свое значение, как характеризующие определенный этап развития научного знания в данной частной его области» [28, с. 9]. Еще в 1989 г. Н. А. Савельев отмечал, что «разработанная А. П. Окладниковым схема развития неолита Прибайкалья не претерпела существенных изменений и сохраняет определенное значение до сих пор» [33, с. 19]. Только развернувшиеся в Прибайкалье широкомасштабные археологические работы на рубеже XX – XXI вв. наглядно продемонстрировали и доказали, что исторические процессы, происходившие на этой территории в указанную эпоху, достаточно сложны и многолинейны [13, с. 251]. Раскопки могильника Шаманка II дополнили круг источников для исследования неолита Прибайкалья и подтвердили ранне-неолитический возраст китойской культуры [2].

А. П. Окладников задумывался о содержании термина «археологическая культура», но поднимать какие-либо дискуссионные теоретические вопросы без разрешения «сверху», ни он, ни какой другой отечественный археолог не мог. Более того, в 1950 г. И. В. Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» была развенчана концепция Н. Я. Марра. По стране прокатилась волна разоблачений и самора-

зоблачений. В 1951 г. А. П. Окладников был снят с должности директора ИИМК [1].

Итак, А. П. Окладников любил обобщать, писать большими мазками, реконструировать историческое полотно жизни древних людей, искать универсальные законы развития общества. В этом явно проявились идеи классического позитивизма, подхваченные в раннюю советскую эпоху марксистами. Однако вместе с тем его разработки в области соотношения хозяйственной деятельности и сходств и различий в культуре привели к установлению оригинальных этнокультурных провинций. Впервые в отечественной археологии проблемы этногенеза народов Сибири начали рассматриваться как узловые.

В. Н. Чернецов проводил исторические реконструкции, в отличие от А. П. Окладникова, в самой минимальной степени. Назвав книгу «Древняя история Нижнего Приобья», Валерий Николаевич в первую очередь дал характеристику конкретных археологических памятников, комплексов и некоторых культур. Это была очень важная составляющая для введения совершенно нового материала в научный оборот. Определяя отдельные этапы, В. Н. Чернецов отмечал их преемственность и малую изменчивость форм материальной культуры. Для неолита Приобья им были установлены хронологические рамки: конец IV / начало III тыс. до н. э. – середина / вторая половина III тыс. до н. э. Впервые была выдвинута проблема наличия энеолита в таежной зоне Западной Сибири [37, с. 7 – 71].

Основная гипотеза, выдвинутая В. Н. Чернецовым и проходящая красной нитью через его работы, заключалась в том, что Приобье, несмотря на наличие нескольких географических зон, в историческом отношении представляло единое целое и стало ареной формирования угорских народностей. Впервые в общих чертах эта идея была высказана в «Очерке этногенеза обских югров» [35], затем была развита в докладе на совещании по методологии этногенетических исследований [36] и ряде других статей, а окончательное завершение приобрела в фундаментальных работах 1950-х гг. [37; 38].

Валерий Николаевич высказал также идею о единой урало-сибирской культурно-этнической общности в эпоху неолита. В пределах этой общности он определил четыре провинции со специфическими чертами гребенчатого орнамента: прикамскую, уральскую, западносибирскую и нижнеобскую [36, с. 26 – 27]. В «Древней истории» В. Н. Чернецов развивает эту идею и в состав культурно-этнической общности, включает не только Урал и Западную Сибирь, но и Казахстан [37, с. 56 – 59]. Позже он теоретически обоснует выделение трех этно-культурных ареалов в лесной и субарктической зонах Евразии: урало-сибирский, байкало-ленский и даурский [40, с. 10 – 17]. Местом формирования урало-сибирской общности он считал Приаралье, подтверждение этому находил в сходстве материальной культуры и орнамента керамики урало-сибирских провинций с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья. Причину движения племен из Приаралья исследователь связы-

вал с развитием хозяйства, технологий и ростом численности населения.

Разрабатывая периодизацию памятников Нижнего Приобья I тыс. н. э., В. Н. Чернецов объединил их в единую нижнеобскую культуру, состоящую из четырех преемственных друг другу этапов: ярсалинского (II – III вв. н. э.), карымского (IV – V вв. н. э.), оронтурского (VI – IX вв. н. э.), кинтусовского (X – XIII вв. н. э.) [39, с. 136 – 138]. Нижнеобская культура была установлена им в первую очередь по поселениям и городищам. Основным определяющим материалом также как и в предыдущей периодизации была керамика. Кроме керамики были обнаружены железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, антропоморфное и зооморфное литые, бронзовые ножи с зооморфными изображениями, литые ажурные навершия и др. [39]. Исторических реконструкций на основе археологических материалов В. Н. Чернецов не проводил. Да это и не входило в его задачи. Он писал: «Цель настоящей работы – первичная систематизация археологического материала, установление периодизации и хронологии, которые могли бы служить основой для разработки истории угорских племен Приобья в I тысячелетии н. э. Такая история может быть написана только тогда, когда аналогичные работы будут проведены и по другим основным территориям расселения угорских племен, т. е. Уралу, Зауралью и течениям рр. Тобола, Вагая, Ишима и при полном использовании материалов по языку, фольклору и этнографии» [39, с. 238].

Итак, В. Н. Чернецов рассматривал археологию, этнографию, лингвистику как неразрывно связанные дисциплины, которые в синтезе должны помочь в решении проблем этногенеза сибирских народов. Он один из первых наряду с А. П. Окладниковым поставил вопрос об этнокультурных общностях. В археологических исследованиях он использовал комплексный подход и широкие этнографические параллели в решении вопросов происхождения археологических культур. В археологических периодах он наблюдал преемственность и последовательное развитие без скачков. В. Н. Чернецов также как и С. А. Теплоухов в вопросе выделения археологических этапов большое значение придавал керамике и ее орнаментации. В археологических работах он часто рассматривал этнографию как науку о культуре первобытных народов и ее пережитках. В целом, его мировоззрение было палеоэтнологического направления.

На рубеже 1920 – 1930-х гг. М. П. Грязнов для установления археологических культур использовал критерии, определенные С. А. Теплоуховым. Михаил Петрович разработал культурно-хронологическую шкалу археологических памятников Алтая на базе периодизации, созданной С. А. Теплоуховым, и развивал идею своего учителя о последовательной смене связанных между собой археологических этапов [3; 4].

Признаками археологической культуры М. П. Грязнов считал конструкции могильных сооружений и комплексы погребального инвентаря, обнаруженные в одном месте, а также материалы стоянок. Так, «дометаллическая культура» Алтая установлена им в пер-

вую очередь на основе устройства земляных курганов, каменной и костяной индустрии, а также форм и орнамента керамики. Ведущими критериями культуры «ранней бронзы» (андроновской культуры), по мнению исследователя, стали кроме погребальных сооружений и сосудов баночной формы со сложным геометрическим орнаментом, отдельные находки бронзовых и медных орудий – топоры, плоские ножи-кинжалы, кельты, украшенные геометрическим орнаментом [3, с. 4 – 5; 6]. В период существования карасукской культуры М. П. Грязнов отмечал, что «западный Алтай являлся центром распространения своеобразных форм ножей и кинжалов, свидетельствующих о существовании особого казахстанского очага бронзовой культуры» [3, с. 6; 6]. Позже исследователь разовьет идею о многовариантности культуры карасукского типа [8]. Четвертый этап бронзовой эпохи Алтая был определен им на основании материалов стоянок (в первую очередь, кости рыб, промысловых животных, предметы из меди, бронзы, кости, рога и керамика), а также случайных находок. Бронзовым орудиям четвертого этапа, классифицированного как культура поздней бронзы, М. П. Грязнов нашел аналогии как на территории Казахстана и Западной Сибири, так и на территории Минусинской котловины [3, с. 6 – 7]. При определении «этапов железной культуры» исследователь использовал в основном материалы погребальных памятников [3, с. 8 – 10].

Таким образом, в 1930-е гг. под археологической культурой М. П. Грязнов вслед за С. А. Теплоуховым, прежде всего, понимал материальную культуру, с помощью которой можно охарактеризовать определенную эпоху в истории развития древних обществ. Подобное осмысление термина Михаилом Петровичем шло в русле палеоэтнологических взглядов его учителя. Археологические источники должны были помочь восстановить бесписьменное, т. е. первобытное прошлое человечества [3; 4].

В соответствии с представлениями М. П. Грязнова для определения археологической культуры чаще всего требуется массовый материал нескольких поселений, десятков или сотен погребений, принадлежащий разным общественным слоям изучаемого племени. Тем не менее, при обнаружении такого знаменательного по количеству и качеству артефактов памятника, как Пазырык, он считал, что возможно было установление самостоятельной археологической культуры [7, с. 41].

М. П. Грязнов в конце 1930-х гг., разрабатывая алтайские материалы, ввел в научный оборот понятие «эпоха ранних кочевников» [5, с. 6 – 7; 6, с. 400], полное теоретическое обоснование которого дал в монографии «Первый Пазырыкский курган» [7, с. 3 – 8]. Д. Г. Савинов справедливо замечает, что «ранние кочевники», по Грязнову, – понятие формационного порядка, которое «отражает качественно новый уровень исследований», и знаменует собой переход от эмпирических наблюдений к историческим обобщениям [34, с. 76].

Эпоха ранних кочевников была датирована М. П. Грязновым в 1930 – 1950-е гг. VII до н. э. – I в. н. э. Эти даты позднее были взяты за основу для

хронологических периодизаций археологических памятников Тувы, Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины, Забайкалья, Монголии и Западной Сибири [20, с. 25].

Постепенно культура как классификационная единица приобрела свое местоположение в таксономической системе М. П. Грязнова. Он уже в ранних работах предполагал, что предгорье Алтая являлось частью большой культурной области распространения андроновской культуры, охватывающей всю степную и прилегающую к ней лесостепную полосу Западной и Центральной Сибири [3, с. 5]. Это была предтеча определения исследователями андроновской культурно-исторической общности. Интеграция культур скифского круга в пределах обширных естественно-исторических территорий, по мысли М. П. Грязнова привела также к формированию культурной общности [11, с. 4 – 5]. У Михаила Петровича сложился горизонтальный ряд таксономической системы: *локальный вариант – культура – культурная общность* [3; 8 – 11]. Кроме того археологические культуры были разделены им на более дробные хронологические деления – этапы, которым он давал имена собственные [3, с. 4 – 11; 9, с. 44, 85, 92, 100, 117, 127; 10, с. 22].

М. П. Грязнов предлагал использовать по примеру биологической систематики бинарную номенклатуру, позволяющую классифицировать памятники на территориальные и хронологические группы. Приняв за основную таксономическую единицу археологическую культуру, исследователь делил ее на этапы [10, с. 21], и таким образом более точно определял хронологию отдельных археологических памятников. Деление культуры на локальные варианты, по мысли М. П. Грязнова, позволяло установить более четкое территориальное распространение культуры и выявлять этнические взаимосвязи [10, с. 22].

Согласно представлениям М. П. Грязнова механизм выделения археологических культур основан на классификации археологических объектов. Он отмечал в первую очередь, что важна типологическая (или генетическая) систематика археологических артефактов, разделяющая «их по признакам сходства и различия в исторически (генетически) связанные друг с другом группы» [10, с. 18]. Таким образом, археологическая культура в таксономической системе замыкала вертикальную иерархию: *признак – тип – культура*. При этом М. П. Грязнов справедливо считал, что «определяется тип не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности всех доступных нашему учету особенностей изучаемого объекта» [10, с. 19].

Для выделения археологических культур в верховьях Оби М. П. Грязнов использовал методику локального района, предложенную С. А. Теплоуховым. Михаил Петрович выявил участок очень удобный для проживания с огромным лесным массивом для охоты, рекой для рыболовства, пашнями и луговыми пастбищами для земледелия и скотоводства. Он исходил из того, что площадь урочища Ближние Елбаны на правом берегу р. Оби была расчленена на небольшие участки – дюны, и каждый памятник: поселение, могильник, занимал отдельную небольшую площадку с

четкими естественными границами. Он сделал предположение, что «жилища и могильник каждого нового этапа в истории древнего поселка располагались на новом месте. Поэтому здесь не было смежных этапов и весь добытый раскопками вещевой материал относительно легко может быть распределен по отдельным хронологическим группам». В случае же расположения могильника на дюне, служившей раньше местом погребения, или нахождения на одной дюне могильников разных эпох, М. П. Грязнов предлагал использовать стратиграфический метод и типологический анализ [9, с. 5 – 6]. К сожалению, методика С. А. Теплоухова в данном микрорайоне не оправдала себя. Как известно, М. П. Грязнов ошибся в датировке фоминского этапа выделенной им верхнеобской культуры. Тем не менее, применение методики локального района при создании периодизации культур показало ее несовершенство и дало возможность исследователям в последующем избежать подобных ошибок.

Механизм действия культуры – зарождение, развитие, упадок, перерастание одной археологической культуры в другую, по мнению М. П. Грязнова, мог быть как относительно кратким по времени, так и длительным. Он отмечал, что при «революционном» скачке от одной культуры к другой памятников переходного характера сохраняется мало, при эволюционном перерастании одной культуры в другую «значительная часть памятников принадлежит разным вариантам переходных форм и четкой границы между такими смежными культурами нет» [10, с. 21].

Археологическая культура в понимании М. П. Грязнова была категорией исторической. Исследователь предложил следующее определение: археологическая культура – это «период в истории конкретного обще-

ства со свойственным ему своеобразным характером культуры (т. е. совокупности достижений общества во всех областях его хозяйственной, социальной и идеологической деятельности) отличный от культуры других смежных с ним периодов и от культуры других современных ему обществ» [10, с. 20 – 21]. Такое определение не соответствует критериям, предъявляемым к научному понятию. В данном случае была не соблюдена формальная логика при его разработке. Понятие «археологическая культура» дано М. П. Грязновым через неэквивалентное ей понятие «период». Археологическая культура предполагает не только действие во времени, но и в пространстве, а также предполагает типологическое сходство археологического комплекса. В современной отечественной археологии до сих пор нет единства в определении этого понятия, однако дефиниция М. П. Грязнова не стала ведущей. Тем не менее, именно Михаил Петрович внес большой вклад в наполнение понятия «археологическая культура» историческим содержанием.

Таким образом, в 1930-е гг. понятие «археологическая культура» в отечественной археологии было заменено по идеологическим причинам терминами «эпоха», «период», «время», «стадия», «этап». Тем не менее, это не помешало исследователям Сибири 1930 – 1960-х гг. развить некоторые идеи С. А. Теплоухова и наполнить археологические культуры историческим содержанием (С. В. Киселев, М. П. Грязнов, С. И. Руденко). А. П. Окладников и В. Н. Чернецов для исторических реконструкций в археологии широко использовали этнографические материалы. Наибольший вклад в разработку теоретико-методологических вопросов археологии внес М. П. Грязнов, в том числе в создание понятийного аппарата археологии.

Литература

1. РА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 221.
2. Базалийский В. И., Вебер А. В. Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 182–186.
3. Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск: Советская Сибирь, 1930. 11 с.
4. Грязнов М. П. Древние культуры Алтая // Сибиреведение. 1930. № 3 – 4. С. 18 – 26.
5. Грязнов М. П. Пазырыкский курган. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 44 с.
6. Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). Ч. I – II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
7. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 92 с.
8. Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. 16. С. 129 – 162.
9. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 161 с.
10. Грязнов М. П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л.: ИА АН СССР, 1969.
11. Грязнов М. П. О едином процессе развития скифо-сибирских культур // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово: КемГУ, 1979.
12. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.
13. Зубков В. С. Неолит Прибайкалья: панорама археологических культур, проблемная ситуация // Северная Евразия в антропогенезе: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология: материалы Всеросс. конф. с междунар. участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск: ИрГУ, 2007. Т. 1.
14. Киселев С. В. Тагарская культура // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. 1928. Т. 4. С. 257 – 267.
15. Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1937 г. // ВДИ. 1938. № 2.

16. Киселев С. В. Алтай в скифское время (Майэмирская культура) // ВДИ. 1947. № 2.
17. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
18. Маркин С. В. А. П. Окладников и становление палеолитоведения Северной и Центральной Азии // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008.
19. Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII – IV вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
20. Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII – IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. 100 с.
21. Марсадолов Л. С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертельских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 93 – 103.
22. Мещанинов И. И. Палеоэтнология и Homo sapiens (Известия ГАИМК, Т. 6. Вып. 7). Л.: ГАИМК, 1930. 36 с.
23. Молодин В. И. Академик А. П. Окладников и археология Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I.
24. Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. IX.
25. Окладников А. П. История Якутии: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосизд, 1949. Т. 1. 440 с.
26. Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Ученые записки ЛГУ. 1950. № 115. Факультет народов Севера. Вып. I.
27. Окладников А. П. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 2.
28. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Ч. I, II. 412 с.
29. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Ч. III. 374 с.
30. Окладников А. П. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. 432 с.
31. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея: (К вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26 – 55.
32. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959. 412 с.
33. Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (История основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
34. Савинов Д. Г. «Ранние кочевники» в исследованиях М. П. Грязнова и современное состояние проблемы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: доклады Всеросс. науч. конф. Омск, 1995. Ч. 1.
35. Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров // КСИИМК. 1941. № 9. С. 18 – 28.
36. Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.: ИИМК АН СССР, 1951.
37. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
38. Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.
39. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
40. Чернецов В. Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири / Сб. ст., посвященных памяти В. Н. Чернецова. М.: Наука, 1973.
41. Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. Ч. 1: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН, 1997. 97 с.

Информация об авторе:

Китова Людмила Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyudmila.kitova@mail.ru.

Ljudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.